АЛЕКСЕЙ ГРАНОВ

НУЛЕВОЙ РАНГ

СЛЕД НА СТЕКЛЕ

Алексей Гранов

Нулевой Ранг. След на стекле.

«Автор»
2026

Гранов А.

Нулевой Ранг. След на стекле. / А. Гранов — «Автор», 2026

Проснуться в чужом теле — ещё не самое страшное. Гораздо хуже узнать, что тебя уже решили сделать виновным.Бывший судебный эксперт Алексей теперь носит имя Рен Вальдор. В мире, где право пользоваться магией определяет ранг, ему достался нулевой: даже прикасаться к действующим защитным контурам запрещено. Но именно Рен видит невозможное — на оконном стекле остался след чужой ладони, которого не замечает мастер Палаты.Кузен требует отказаться от наследства. Улику спешат уничтожить. А официальное объяснение «несчастный случай» рассыпается при первой проверке. Один осколок приводит Рена к опасным приборам, подложным документам и людям, которым выгодно, чтобы никто не задавал вопросов.У него нет ранга, связей и права вести расследование. Есть лишь опыт человека, который привык отличать факты от удобной лжи.Нулевой не должен видеть магию. Но, возможно, только он способен понять, кто заставляет её убивать.

© Гранов А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. След на стекле 6
Глава 2. Под расписку 10
Глава 3. Чужие руки 16
Глава 4. Чем гасят огонь 22
Глава 5. Три медяка за брак 27
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Нулевой Ранг. След на стекле.

Нулевой ранг. След на стекле
Том 1

Глава 1. След на стекле

Ладонь на стекле была чужой. Хуже того — она не помещалась на стекле. Пять белёсых пальцев тянулись от верхней скобки вниз, к кровати, а запястье выходило из прозрачной поверхности прямо в воздух. На мизинце отчётливо виднелся обломанный ноготь. Алексей знал, что следы так себя не ведут.

Он зажмурился, сосчитал до трёх и открыл глаза. Ладонь никуда не исчезла.

В оконную щель тянуло холодом. Снизу плескалась вода, кто-то сердито требовал подтянуть причальный канат. Алексей попытался приподняться на локте, и комната опрокинулась набок. Он едва успел свесить голову с кровати. Желудок свело, но вышла только тягучая слюна с привкусом железа. Он знал этот привкус: так бывает, когда удар приходится в голову. Не знал только, кто ударил его и почему вокруг не было ни одной знакомой вещи.

Вчера он сорок минут искал очки, пока секретарь не показала на его лоб. Сейчас без очков видел трещину в стекле с двух метров. Левое колено, которое ныло даже в лифте, легко подтянулось к животу. Рука, которой он вытер губы, была узкой, с гладкими костяшками. Шрама от разбитого лабораторного стакана на ней не оказалось. Алексей перевернул ладонь. Потом вторую. Кожа, сухожилия, ногти — всё чужое. Память о себе оставалась, а тело, по всем правилам, принадлежало другому человеку.

— Рен?

Девушка у изножья держала таз обеими руками. Вода в нём ещё ходила от края к краю. Она поставила таз на стул и вытерла ладони о передник.

— Как меня зовут? — спросил он.

— Рен Вальдор. Вы меня знаете?

Он покачал головой и тут же пожалел.

— Мира, — сказала она. — Я у вас с весны.

На тумбочке возле кровати стояла чашка с засохшим бурым полукругом на дне. Алексей потянулся к ней. Мира отодвинула чашку и налила воды из кувшина в деревянный ковшик. Он сделал глоток. Горло саднило так, будто он долго кричал.

— Кто меня нашёл?

— Я. Вы лежали под окном. Я думала, до утра не доживёте.

Над правым ухом у него была шишка, под воротом рубахи — холодный влажный шнурок. Он вытащил на свет круглую костяную пластинку. На одной стороне стоял выжженный круг, перечёркнутый короткой чертой.

— Это ваше свидетельство, — сказала Мира. — Мастер из Палаты проверил, пока вы были без памяти. Сказал, нулевой, как и прежде. — Она запнулась. — Простите. Я думала, вы помните, что это значит.

Алексей перевернул пластинку. Там было имя. Он прочёл его с той же лёгкостью, с какой когда-то прочёл собственное на первом служебном удостоверении. Буквы выглядели чужими.

— Нулевой — это насколько плохо? — спросил он.

— Для самого человека — как повезёт. Для Палаты вы не можете управлять ни одним контуром. Если что-то сломается рядом с вами, первым делом проверят, не трогали ли вы защиту без допуска.

— А если я её не трогал?

Мира посмотрела на стекло, которое уже собирались вынести.

— Тогда вам понадобится кто-нибудь, кто это подтвердит.

— А что проверял мастер?

— Могли ли вы запустить контур.

Она указала на окно. В древесину по краям рамы были вбиты медные скобки. Каждую соединяла с соседней тёмная нить, тоньше волоса.

— Он сказал, что вы открыли створку при включённой защите. Она отбросила вас к кровати. — Мира посмотрела в сторону двери. — Так он велел всем отвечать, если будут спрашивать.

— Ты видела, как я её открывал?

— Когда я вошла, окно было закрыто. Мастер сказал, от удара створку могло захлопнуть. Потом он снял питание с рамы.

За дверью прошли двое. Один говорил вполголоса, второй тяжело ступал, задерживаясь через каждые три шага. Мира дождалась тишины.

— Господин Дариан велел снять стекло, как только принесут новое. Мастер уже ушёл за ним. Сказал, старое нельзя оставлять в доме до вечера.

— Давно?

— Минуты три назад.

Алексей откинул одеяло. Ноги оказались длиннее, чем он ожидал. Когда он поставил обе ступни на пол, кровь отхлынула от лица и кресло у окна исчезло за серой пеленой. Он сел обратно.

Мира придвинула стул с тазом ближе и протянула ему руку.

— Если вас опять вырвет, голову набок. Я одна вас с пола второй раз не подниму.

До окна было шесть шагов. На четвёртом он понял, что держится за девушку обеими руками. Она подвела его к подоконнику и высвободила одну руку, чтобы придержать ковшик, оставленный там кем-то прежде. От ковшика на пыли остался мокрый круг.

На оконной ручке пыль лежала ровно. Алексей наклонился, пока не увидел её в боковом свете. Ни протёртых пятен на металле, ни свежей полосы там, где ручка при повороте прошла бы над деревом.

— Когда контур включён, ручка двигается?

— Двигается. Только потом мастер сказал, что вы до неё дотронулись и сразу упали.

— Где ты стояла, когда меня увидела?

Мира показала на дверь. Алексей попросил её встать там и сказать, куда смотрело его лицо.

— К окну. Руки были под грудью. Я подумала, вы над чем-то нагнулись и упали.

Алексей выпрямился. Издали белая ладонь казалась прижатой к стеклу. Вблизи между ней и стеклом оставался просвет, и трещина проходила сквозь него. Отпечаток начинался у верхней скобки. Четыре пальца были направлены к кровати; большой загибался к оконной ручке и обрывался. Алексей почувствовал неприятную уверенность: он смотрел не на след прикосновения. Он смотрел на след движения, которое кто-то хотел заставить их принять за прикосновение.

— Что ты видишь над верхним болтом?

Мира подошла на шаг.

— Трещину. На два пальца влево. У самой скобки.

Трещина и в самом деле была там. Алексей прикрыл правый глаз, потом левый. Измученный мозг легко достраивает пятна до знакомых образов: на пробитой двери свидетели умудряются разглядеть лицо. Но теперь оба глаза видели одну и ту же развилку, с небольшим сдвигом. Мира различала трещину, а не белую ладонь. Значит, он мог ошибаться. Значит, ему требовалось доказательство, которое увидит не только он. Алексей навёл палец на место, где белёсая линия сходилась со скобкой, и коснулся стекла.

Холод ушёл под ноготь, будто палец опустили в ледяную воду. На миг Алексей увидел тонкие дуги вдоль всей рамы. Они вспыхивали одна за другой, словно в замедленной съёмке просматривали аварию: от нижнего угла — к верхней скобке. Там последняя дуга раздваива-

лась. Одна ветвь уходила вдоль стекла, вторая изгибалась внутрь комнаты. На стене за кроватью что-то ответило тусклым белым светом. Алексею показалось, что у него отняли вдох.

Алексей отдёрнул руку. Указательный палец не слушался. Он попробовал согнуть его, и боль дошла до локтя с таким опозданием, что он успел испугаться сильнее, чем от самой боли.

Мира подхватила его под плечо.

— Что вы сделали?

— Сам хотел бы знать.

На стене за кроватью висел выцветший гобелен. Алексей видел его край со своего места. Под ним на штукатурке проступал белёсый мазок, выпуклый и узкий, как след мела. Он попросил Миру отогнуть ткань. За ней открылось пятно с пятью тонкими ответвлениями. Их концы были подпалены. Под пятном в складке гобелена лежала свежая крошка штукатурки.

— Это ты видишь? — спросил он.

— Вижу. Вчера его не было. Я здесь пыль вытирала.

От верхней скобки до стены дуга шла на высоте его головы, если бы он сидел в кровати. Если бы стоял у ручки, прошла бы у него за спиной. Значит, версия мастера не сходилась с положением тела. И если дуга действительно была направлена в кровать, кто-то заранее знал, где окажется спящий.

В замке повернулся ключ.

Мира опустила гобелен. Алексей успел отойти от окна и сел на кровать. Пустая рубаха на груди шевелилась от его дыхания. Он спрятал больную руку в складках одеяла.

Вошёл мужчина в сером кафтане. Алексей узнал его прежде, чем Мира произнесла имя. Дариан. На миг припомнилось, как этот человек подтягивал его к себе за ворот на площадке парадной лестницы. Воспоминание оборвалось, оставив ощущение тесного воротника.

— Ты всегда был упрям, — сказал Дариан. — Лекарь велел лежать.

Его взгляд задержался на грязи, прилипшей к босым ступням Алексея. Потом он увидел стул с тазом у окна.

— Мира, оставь нас.

— Мне нужна вода, — сказал Алексей и взял ковшик с подоконника свободной рукой. Дерево стукнуло о край. — Тёплая. Принеси сюда.

Мира выскользнула в коридор. Дариан проводил её взглядом.

— Ты помнишь, что случилось ночью?

— Пока нет. Мастер сказал, я открыл окно.

— Ты пытался его открыть. По счастью, защита сработала как положено.

Дариан достал из внутреннего кармана сложенный лист. На боку большого пальца у него темнели чернила. Он расправил бумагу поверх одеяла. Алексей прочёл заголовок: «Об отказе от имени и наследственной доли». Ниже оставалось место для одной подписи — его. Несколько минут назад он проснулся чужим человеком; теперь его уже просили перестать существовать даже под чужим именем.

— Тебе дадут жильё на окраине, — сказал Дариан. — Здесь опечатают комнаты. На весь дом осталось три человека, которым мы можем заплатить до конца месяца. Я договорился, что за твоё жильё внесут деньги вперёд.

На листе под строкой для подписи уже стояла дата. Вчерашняя, догадался Алексей. Цифры совпадали с датой на записке, прижатой кувшином на тумбочке. В записке Миру просили сменить бельё к вечеру.

— Ты давно договорился?

Дариан сложил руки на груди.

— До того, как ты решил, что проще выпрыгнуть.

Третья версия за четверть часа: открыл окно, коснулся ручки, попытался выпрыгнуть. Алексей посмотрел на стекло. Белый след тускнел, словно время для проверки уходило вместе

с ним. В точке развилки ещё держался короткий крючок. Если сейчас начнёт спорить о мотивах, кузен получит то, чего добивается: несколько минут, за которые уничтожат единственную улику.

— Попроси у мастера квитанцию, — сказал он.

— За что?

— За стекло. Пусть укажет, цела ли ручка и в каком положении был запор, когда он пришёл. Он ведь осматривал окно.

Дариан положил ладонь на лист и медленно сдвинул его к себе.

— Зачем тебе его квитанция, Рен?

Алексей собирался сослаться на долги дома. Потом посмотрел на пальцы кузена. Рука всё ещё лежала поверх заголовка, словно тот хотел прикрыть от него слова, которые он уже прочёл.

— Потому что завтра ты скажешь, что я разбил окно сам. А послезавтра найдётся бумага, будто я признался в этом. — Алексей коснулся пустого места для подписи. — У тебя уже есть подходящий лист.

Из коридора донёсся сухой перестук. Кто-то задевал о перила деревянной рамой. Дариан свернул бумагу и сунул её в карман.

— Стекло оставь мне, — сказал Алексей.

— Оно треснуло. Куда ты его денешь?

Алексей промолчал. Он пока мог придумать только одно место, где стекло переживёт ближайшие пять минут, и оно находилось по другую сторону двери.

Дариан открыл её. На пороге стоял мастер с новой рамой под мышкой. За его плечом показалась Мира. Она принесла воду в глубокой миске, придерживая край передником.

— Старое в печь, — сказал Дариан мастеру. — Целиком. Здесь не колоть. И никому не показывать.

Мира встретилась с Алексеем глазами. Он кивнул на окно.

Она поставила миску на подоконник и распахнула створку. С улицы потянуло речной сыростью. Мастер выпустил новую раму из рук, успел поймать её у самого пола и выругался.

— Простите, — сказала Мира. — Мне велено проветрить после рвоты.

Пока мастер ставил раму к стене, Алексей увидел, как Мира выдернула из деревянного желобка отставший уголок стекла. От трещины к нему тянулся тот самый белый крючок. Когда она поправила передник, из её пальцев в карман упал осколок.

Дариан захлопнул створку.

— Уведи её отсюда, — сказал он мастеру. — Потом вернёшься.

Алексей подтянул одеяло. Указательный палец всё ещё не чувствовал ткани. На тумбочке, рядом с запиской о белье, лежала его костяная пластинка. Он надел её на шею. Пальцами здоровой руки нащупал перечёркнутый круг.

Вчерашний Рен был нулевым. Сегодняшний — тоже. Но нулевой почему-то видел то, чего не замечал мастер Палаты: защита ударила не туда, куда должна была. Доказательство оказалось в кармане у Миры, а ключ от комнаты — у людей, которым выгодно стереть след. Алексей услышал, как в коридоре затих её шаг. Ему предстояло вернуть чужое имя, защитить девушку, едва успевшую его узнать, и выяснить самое неприятное: ошиблась ли защита или точно исполнила чей-то приказ.

Глава 2. Под расписку

Мире заплатили за молчание, назвав деньги жалованьем. Дариан положил перед ней две серебряные монеты и велел написать, что она покидает дом по собственной воле. Мира повертела перо над листом, попросила третью за ночную работу и получила её. Алексей услышал звон серебра из коридора и понял, что этой девушке уже назначили цену — слишком маленькую, чтобы она могла позволить себе отказаться.

Алексей смотрел в щель между дверью и косяком. Когда Мира дошла до лестницы, он окликнул её.

— Воду забыли, — сказала она и сама вернулась в комнату.

— Осколок у тебя?

— У меня. А вы хотите, чтобы нашли у вас?

Она сняла с головы платок и развернула его на тумбочке. В складке лежал осколок с обломанной кромкой. Дневной свет проходил через него чисто. Белого крючка Алексей больше не видел.

— За пределы рамы след не вышел, — сказала Мира. — Если вы про белое. Я его тоже видела, когда окно ночью ударило. Думала, молния.

Он поднял глаза.

— Ты говорила, что нашла меня на полу.

— Я увидела свет через фрамугу над дверью. Пока отперла, всё кончилось. Мне велели про свет никому.

— Кто?

Мира затянула платок узлом.

— Мне сегодня надо куда-то идти. Потом спрашивайте.

Алексей поймал себя на том, что уже подбирает для неё правильные показания. В его лаборатории человека с улики начинали стирать перчатками. Здесь ему самому хотелось сделать то же самое с живой девушкой, у которой в кармане три монеты и расчёт на зиму.

— Где тебя могут принять?

— У тётки. Через реку. Если переправа ещё ходит.

Она согласилась завернуть осколок в бумагу и поставить на сгибе подпись. Вышло неровное «Мира Тесс». Алексей написал под ним «Рен Вальдор». Рука сама вывела первую букву с загибом, которого он у себя никогда не видел.

Из коридора донёсся стук молотка. Мира собрала со стола свои монеты, но осталась стоять у кровати. Поглядела на тумбочку, где рядом с чашкой лежала расчётная расписка.

— Вы читать всё ещё умеете?

— Да.

— Тогда прочтите вслух нижнюю строку. Господин Дариан сказал, там про лишнее серебро.

Алексей подвинул к себе лист. В верхней части стоял расчёт за два месяца, отдельно — ночная работа. Ниже Мира подтверждала получение денег. В самом низу мелкими буквами было написано, что она возвращает ключи от дома и претензий к службе не имеет.

— Здесь не только про деньги.

— Вот и он так говорил. Сначала одно, потом другое.

Мира достала перо, которое так и не вернула на стол Дариана. Алексей предложил зачеркнуть слова о претензиях. Она взяла у него лист и поднесла ближе к окну.

— Тогда потребует назад монету. Я допишу, что ключ отнесла повару утром. Если велят искать, пусть ищут у повара. У него свои деньги, ему легче спорить.

Ключ открывал комнату, в которой Алексей проснулся. Он хотел попросить Миру оставить его себе, чтобы вернуться ночью и снять кусок штукатурки за гобеленом. Вместо этого спросил, есть ли у мастера такой же.

— Был. Кольцо с двумя зубцами. Я видела у него на поясе, когда он шёл за рамой. У повара кольцо круглое.

— Сколько человек ходит с такими ключами?

— А вы когда домой возвращались, всегда знали, у кого второй?

Он вспомнил тяжёлую дверь собственной квартиры. Запасной ключ лежал у матери в блюдце с пуговицами. Последняя вещь, которую он помнил из прежней жизни, тоже имела отношение к ключу. Он стоял перед металлическим шкафом в лаборатории, пытался повернуть замок мокрыми пальцами и думал, что уборщица опять оставила дверь на пожарную лестницу открытой. Потом память обрывалась. Мокрыми пальцы могли быть от воды. Или ему просто хотелось считать, что от воды.

— Рен, — сказала Мира. — Вы опять куда-то делись.

Он отдал ей расписку. Мира медленно дописала про ключ на самом краю. Алексей заметил в её буквах странное сходство с надписью на записке у кувшина. Ученический почерк, одинаковый у людей, которым приходилось писать редко.

— Сделай себе копию расчёта, — сказал он.

— Сделаю. Только подпишете её вы.

Он поставил имя на обоих листах. На одном подпись получилась шире: перо зацепилось за бумагу там, где ему хотелось подражать вчерашнему Рену. На другом он перестал об этом думать. Мира положила перед ним экземпляр с широкой подписью.

— Этот оставьте. Мне тот больше похож на прежний.

За дверью прокатили что-то тяжёлое. Через щель у пола потянуло древесной пылью. Мира сказала, что нужно дождаться, пока мастер унесёт створку по парадной лестнице. Алексей сел на кровать, чтобы не тратить остаток сил стоя. В стене за гобеленом был след, который видела Мира. Он мог позвать кухарку и показать ей подпал. Через полчаса кухарке пришлось бы объяснять Дариану, зачем она поднималась наверх. Он всё ещё учился считать цену собственных вопросов.

Когда шум переместился к лестнице, Мира достала из шкафа куртку и бросила ему. Там же, под плоской шляпой, он нашёл башмаки. В дальний угол был задвинут кожаный чемодан. У ручки на шнурке висела бирка «Р. Вальдор, учебный двор». На ней рукой, которую он теперь мог бы повторить, записали: «Отпущен досрочно». Чемодан был пуст, даже подкладку выпороли. Он оставил его на месте. Дорога до кухни, судя по тому, как подгибались колени, обещала занять всё отведённое им время.

На лестничной площадке Алексей услышал голос Дариана. Тот разговаривал с мастером у открытой двери маленькой гостиной. Голос у кузена был спокойный, и поначалу Алексей принял разговор за продолжение торга о цене рамы.

— Опись подпишете вы, — сказал мастер. — Я за своё дерево отвечаю. Из комнаты что сдавать будете, ваше дело.

— Из комнаты ничего.

— Тогда вывезите кровать до осмотра. Мне она мешала.

Мира придержала Алексея за локоть. На площадке перед ними лежала бечёвка, которой мастер обмотал снятый наличник. Из-под узла торчала бумажка с номером. Алексей приготовился наклониться. Мира прижала его локоть сильнее.

— У него с собой таких десять, — прошептала она. — Возьмёте, он к утру напишет новую.

В маленькой гостиной зашуршала бумага. Дариан спросил, куда мастер денет стекло. Тот ответил, что его возьмут в счёт работы, если хозяин не захочет платить вторично. Дариан велел

оставить остатки во дворе до вечера. Мастер рассмеялся. Алексей уже слышал этот смех за стеной и тогда решил, что смеётся кто-то из домашних. Теперь он слышал, как Дариан выдерживает паузу, прежде чем спросить, на чьё имя выписали первый счёт. Ответа не было. Хлопнула дверь. Сходить узнать, кто из них вышел, Мира ему не дала.

Они спустились по чуланной лестнице. На каждой ступеньке надо было переставлять ногу боком, чтобы не задеть потолочную балку. У третьей двери Алексей остановился: на стене висели ключи. Издали показалось, что все одинаковые. Вблизи он различил следы работы напильника и цифры, выбитые поверх старых цифр. Прежде ему доводилось видеть связку, собранную уже после обыска. Тогда ему казалось разумным проверить каждый ключ по каждому замку. Здесь дотянуться до нижнего крючка мог любой, кто принёс поленья из чулана.

— Повар по вечерам выдаёт их? — спросил он.

— Повар по вечерам моет печь. Каждый берёт какой надо. Если ключ на человеке, значит, ему за что-то отвечать.

Мира потянулась к крючкам и перевернула нижнюю буковую планку. Алексей увидел, что цифры стояли и на ней. Под третьим крючком осталась светлая полоса.

— Вот ваш. Его вчера уже не было, когда я поднималась за водой. Мне повар свой дал.

— Значит, тот, кто снял раму, мог зайти и до тебя.

Мира опустила планку.

— У вас дверь была заперта, когда я пришла. Вы это тоже запишите. А кто мог зайти, я за вас считать не буду.

Ему захотелось проверить замок, пока ключи висели перед глазами. Достаточно было подняться на один пролёт. В прежней работе он мог бы велеть всем подождать у выхода, попросить назвать время, найти того, кто открывал комнату последним. Здесь ожидать пришлось бы Мире, которая в верхней одежде стояла посреди чулана и знала, как легко её задержать под любым предлогом.

Он присел на нижнюю ступеньку, разгладил расписку на колене и попросил её повторить слова про запертую дверь. Она повторила. Про ключ он записал только то, что видел сам: три крючка, два ключа, полоска чистого дерева. То, что полоска выглядела свежей, он вынес отдельно. Сколько нужно времени, чтобы на дереве осела пыль, он не знал.

Когда они дошли до кухни, за дверью кто-то обсуждал цену ещё одной рамы. Алексей узнал голос мальчика, который принёс ему воду утром. Мальчик прервал разговор и посторонился. Алексей чуть было не спросил, знает ли тот что-нибудь о стекле. Потом увидел длинную занозу у него под ногтем и спросил, давно ли он держит лестницу мастеру. Мальчик спрятал руку.

— Мне велели подать только клещи. Остальное он сам.

Мира попросила его передать повару, что расчёт получила. Мальчик закивал с готовностью человека, которому наконец поручили простую вещь. Они оставили его у печи. Алексей успел увидеть, как тот прижал больной палец к губам, пока думал, с кого начинать искать клещи.

В доме было два выхода. Парадный Дариан запирал лично. Кухонную дверь держали открытой до вечернего подвоза угля. Мира вынесла туда узел с вещами, а Алексей надел куртку, обнаружив в её подкладке два заштопанных кармана и ни одной монеты.

На кухне кухарка разливала остатки супа в горшки. Она дала ему хлеб, не спросив, куда он идёт. У самого выхода Алексей обернулся.

— Если кузен спросит, скажите, что я вышел сам.

— Куда вышли?

Он увидел за угольной телегой реку и тесные дома на другом берегу.

— В Ривен.

Кухарка фыркнула.

— Вы и так в Ривене, барин.

Из соседней комнаты позвали кухарку. Перед тем как уйти, она сняла с полки жестяную кружку, налила в неё супа и велела выпить на месте.

— Ложек не дам. Они численые. За ложку спросят.

Алексей пил обеими руками. Кухарка пересчитывала горшки, делая зарубки на рейке. Он спросил, что будет, если Дариан спустится. Она посмотрела на него так, что он понял: вопрос прозвучал по-детски.

— По обыкновению спросит, сколько у нас крупы. Вы всегда уходили через дверь. Если на этот раз хотите, чтоб я запомнила иначе, скажите куда.

— Сначала за реку.

— Вот с этого бы и начали.

Она вынула один горшок из ряда и передвинула на край стола, где держала покупки для себя. Он видел, как это нехитрое движение изменило количество положенных ей порций. Сказать спасибо было легко. Возразить и оставить горшок на месте оказалось труднее. Он взял его. У Миры оставались две монеты после переправы, если возчик получит обещанную плату.

Снаружи Мира уже спорила с возчиком, добиваясь места между мешками. Алексей залез вслед за ней. Когда колёса тронулись, на верхнем этаже сняли раму. В прямоугольнике окна мелькнула фигура мастера.

На площади телегу остановили. Двое в кожаных фартуках проверяли, что везут через мост. Один приложил ладонь к печати на борту. Та засветилась изнутри, и возчик, до сих пор ворчавший о пошлине, замолчал.

Мира сунула Алексею свёрток под куртку.

— Я в доме больше не работаю. А вы пока носите имя. Если что, это ваше стекло.

Проверяющий попросил Алексея сойти и показать свидетельство. На настил упала белая шелуха с угольного мешка. Алексей встал прямо перед ней, потому что свободный край доски провисал над водой. Проверяющий взял костяную пластинку, протёр рукавом и приложил к печати.

Ничего не произошло.

— В пассажиры, — сказал он возчику. — Сторожить груз такой не будет.

— Я его для подмоги взял, — возразил возчик. — От мешков руки у всех одинаковые.

— Мешки ваши, а за крепёж на мосту мы отвечаем.

Алексей посмотрел на ремень между двумя рядами мешков. Печать, к которой прижимали его свидетельство, держала пряжку. Как только её подняли для осмотра, половина груза опёрлась на борт. Возчик видел, куда он смотрит. Кивнул на деревянный упор.

— Если хочешь помочь, подай. Печать вниз не урони, они с меня другую возьмут.

Алексей поставил упор ребром, и мешок навалился на предплечье. Возчик поймал его прежде, чем тот опустился на свёрток под курткой. Проверяющий опустил печать. Пряжка втянула длинный ремень, и мешки с сухим вздохом прижались к середине.

— А вы бы с ним до конца поспорили, — сказал возчик, когда снова взялся за вожжи. — Я бы за вас заплатил ещё и штраф.

Алексей достал из куртки хлеб и отломил половину. Возчик съел её, пока проверяющий записывал переплату за пассажира. На чистой стороне пластинки, под именем, осталось пятно от пальца. Алексей стёр его, прежде чем вернуть свидетельство на шею.

Серебро у неё забрали за проезд. Оставшийся хлеб он отдал возчику, когда тот потребовал свою долю.

На другом берегу Мира соскочила с телеги первой. Отойдя на шаг, она вдруг вернулась.

— Когда я нашла вас, возле кровати лежал стул. Ножками к двери. Раньше он стоял у стены.

От речной площади поднимались две улицы. По одной на холм шли чинно, держась за чугунные перила. На другой торговали гвоздями и углём прямо с земли. Мира показала на вывеску с чайником, которую отсюда почти заслонял мост.

— За переправой тётка, а там Морейн. Она меня однажды взяла подержать ставню, пока снег сбивала. Платит вечером, если спрашивать утром. Чем вы раньше занимались, я не знаю. Ей можете сказать.

Он хотел ответить сразу. «Судебный эксперт» здесь требовало больше объяснений, чем у него оставалось дыхания. «Вальдор» объясняло слишком много того, чего он сам не помнил. Он спросил, где ему переночевать. Мира показала на навес у будки, под которым крыша доходила до земли.

— Если у тётки ночует грузчик, ляжете под навес. Только с утра встаньте до неё. Она первым делом кипятит воду для тех, кто платит.

Он отдал ей горшок. Она попробовала взвесить его одной рукой, затем обхватила обеими.

— Половину вечером вам.

У будки женщина в войлочном жилете снимала с доски дощечки с ценами. Увидев Миру, она стряхнула с рукава угольную пыль и открыла внутреннюю дверь. Алексей не пошёл следом. За стенкой слышно было, как Мира называет по порядку вещи, которые успела забрать. На слове «перо» женщина перебила её. Спросила, ела ли она сегодня. Дальше они говорили уже за дверью.

Алексей записал это на пустой стороне расчётной расписки. Он ещё не знал, что сделает со стулом. Зато впервые после пробуждения у него была подробность, которую никто не успел ему объяснить.

Мира вышла, когда над серединой реки зажглись два огня. Она придержала дверь локтем и поставила на приступок миску. Пар лёг у самых досок. Алексей сел рядом, но крыша была так низка, что стоило выпрямиться — ударялся плечом.

— Тётка хочет знать, кто возьмёт с неё деньги, если вы у нас умрёте.

— Дариан, если решит.

— Я передам. Пусть заранее знает имя.

Они ели одной ложкой, передавая её через ручку миски. От реки пахло мокрой верёвкой. Барка шла вверх по течению почти на месте, и огонь на носу лишь изредка смещался относительно каменной лестницы. Алексей спросил, зачем будке второй вход. Мира сказала, что с проезда берут медяк, а после обрыва троса выходить приходится через заднюю дверь. На случай, если на лестнице скопится народ. Потом спросила, куда он собирается отнести стекло. Он ещё не знал достаточно ни об Элле, ни о Ривене, чтобы ответить ей.

— Если спросят, откуда оно у вас, я скажу, что дала. Если спросят, зачем, отвечайте вы.

Она провела ногтем по ободу миски.

— И у тётки про жалованье не спрашивайте. Первое, что она предложит, — идти обратно и благодарить за три монеты. Я и сама ещё утром могла так сделать. От этого разговор лучше не станет.

Алексей снял куртку и положил свёрток на подол. В доме он был уверен, что осколок от чужой ладони. Теперь, при качавшемся свете, мог с тем же успехом представить, как чья-то рука поднимает его с пола, где уже лежит битое стекло. На бумаге под стеклом темнела подпись Миры. Обе подписи получились заведомо позднее всех событий, о которых они могли свидетельствовать. Первым делом он завернул осколок обратно. Потом подложил под него лоскут, чтобы острый край не прорезал бумагу, и спросил, где найти нитку.

Мира поставила пустую миску на ступеньку, вернулась с пряжей и отмотала сколько надо. Алексей стянул свёрток узлом. Ему хотелось сказать, что теперь ей нечего бояться: улика у них, а правда на их стороне. Он не сказал. На памяти прежней работы было слишком много

людей, которым такие слова ничем не помогли. За дверью тётка уже спрашивала, кто стоит на крыльце.

Мира ответила, что человек ждал лодку, а теперь ищет ночлег. Рен успел спуститься, пока за спиной ещё держали дверь. В кармане не было ни еды, ни монет, ни вещей на продажу. Только осколок, ради которого кто-то был готов жечь целое окно. Если за ним придут, он ещё не знал, кого сумеет защитить: себя или девушку, назвавшую ему своё имя.

Глава 3. Чужие руки

К утру Рен усвоил первое правило нового мира: фамилия Вальдор не заменяет ни обеда, ни тёплой постели. Мастерская Эллы Морейн помещалась под лестницей к старому мосту. Мира назвала ему это место на переправе. Элла брала работу, от которой отказывалась гильдия, и иногда платила за уборку. Над дверью висел медный чайник. Дождь давно смыл буквы с вывески, и прямо по кирпичам кто-то вывел: «Принимаем в починку». У порога пахло горячим железом. Рен постучал, не зная, примут ли здесь в починку человека с нулевым рангом.

Дверь открыла женщина с разбитой губой и мелом за ухом.

— Если за долгом, завтра. Если узел дымит, ставьте на камень.

— Мне нужна работа.

Она посмотрела на его куртку. Обшлага выдавали в ней вещь дороже всей вывески.

— Мне нужен человек, который умеет приходить второй раз.

Элла придержала дверь носком. Одна линялая занавеска отделяла лавку от печи, другая висела в глубине над умывальником. Между ними было достаточно места, чтобы двум людям разойтись плечом к плечу, если оба помнили про ручку длинного ящика.

— С чего вы решили, что я нанимаю?

— Мне сказали, вы утром даёте работу.

— Утром я даю людям возможность отнести вещи туда, где их чинят дешевле. К обеду половина возвращается.

Она не закрыла дверь, и Алексей счёл это приглашением. На полке возле порога лежал прямоугольный кирпич, от плитки под ним тянулись старые подпалины. Куртку он повесил подальше. Элла проследила за ним.

— Письмо от прошлого хозяина есть?

— Нет.

— От родных? Из учебного двора?

— Я плохо помню, что там было.

Она, вероятно, решила, что его выгнали за драку или непослушание. Алексей отказался от мысли поправить её. Пока его знали как парня, которому нужна плата, разговор ещё мог продолжаться.

На стойке лежала составленная кем-то заявка мастеру. Шесть граф, две зачёркнуты, последняя заполнена от руки: «подачу снять». Алексей поймал общий смысл и только после этого заметил, что не знает названия самого прибора. В заявке было «подножная». За дверью кто-то громко сетовал, что её утром ставили возле ног, а обратно придётся нести на голове. Элла крикнула, чтобы хозяин забрал крышку вместе с корпусом, и закрыла глаза, пока клиент возился с ремнём. Под разбитой губой набухал фиолетовый край.

Во дворе глухо хлопнула дверь. В мастерской остались они двое. Алексей решил начать с того, что мог осмотреть, не задавая вопросов.

Алексей поднял с камня перевёрнутую жестяную кружку. Внутри лежали короткие пружины. Он увидел на верстаке три разобранные грелки, а рядом три разных крышки. В одной паз под пружину был отполирован только с краю.

— Эту вчера уже чинили, — сказал он, подвигая крышку. — Вернулась?

Элла вытерла губу.

— Сегодня утром. И получила я ею же. Что скажешь хозяину?

Алексей попробовал поставить крышку на ближайшую грелку. Она защёлкнулась. На следующей тоже. На третьей села почти так же, только под неправильно вставленной пружиной осталась щель.

— Скажу, что подмена могла случиться при сборке. Сначала проверю, как вы их принимали.

Она показала ему, где лежат тряпки, и велела выйти во двор с принятым от неё корпусом. Корпус был на ощупь холодный, однако мокрая тряпка быстро высохла у нижней кромки. Алексей повернул его за ручку. Дно нагрелось так, что сухой лоскут к нему лип. Элла шла за ним, держа железные щипцы.

— На камень. Медленно.

Она взяла щипцами серый язычок, показавшийся из паза, и переложила в пустую коробку. Корпус остыл почти сразу.

— Я думал, они все разобраны.

— Они все открыты. Разобранная грелка лежит в трёх кучках и никого не греет. Когда принесут готовую к ремонту, подожди меня. Я не смогу платить, если вместе с полом буду отмывать твою кожу.

Он хотел спросить, зачем она дала ему корпус с остатком заряда. Элла заговорила первой. Ей казалось, что в грелке стоит новая холодная вставка, которую вчера примеряли. При нём она открыла книгу на чистом листе и велела записать, что корпус осмотрели раньше, чем вынули несработавший источник. Потом написала время по часам на столбе, вывела собственную фамилию и сравнила маркировку на стенке коробки с остальными.

— Если утром опять решу, что это холодная вставка, покажи мне запись.

Коробку она заперла. Алексей занёс в пустую строку, как грелка выглядела до разборки и где именно нагрелась. Только после этого они вернулись к крышкам.

У Эллы нашлась тетрадь, где она записывала поломки, имена и долги. У всех трёх грелок были разные владельцы. Жена кузнеца нарочно процарапала отметину возле ручки, захватив и крышку, и корпус. Элла с сомнением осмотрела подходящую крышку. На металле осталась половина царапины. Вторая половина была на корпусе другой грелки.

— Мои руки, — сказала она. — Других здесь не было.

Она отложила инструмент, села за стол и написала владельцу записку. Алексей думал, что она предложит скидку. Элла обещала новую крышку за свой счёт. Затем выдала ему три чистые бирки.

— Отметь каждую вещь и каждую снятую часть. Перо своё?

Алексей показал костяную пластинку.

— Нулевой, — сказала Элла. — Живые контуры трогать права не имеешь. Мёртвые я сама кончу проверять. Чистка, разбор обычного крепежа, записи — твои. Сломаешь что-нибудь, сперва говоришь мне. Сколько?

Он назвал сумму, которой, судя по расчёту Миры, хватило бы на угол и похлёбку.

— Половину деньгами, половину углом за печью. И зови себя как на бирке. Я потом городскому сборщику объяснять разницу не хочу.

Рен. Он написал имя на полях. В детстве он, Алексей, расписывался на учебниках «А. Руднев». Здесь его мать подшивала метки с именем в ворот рубахи. На секунду он вспомнил обеих женщин разом и запнулся, словно за одним столом ему предложили узнать двух людей, которых он успел похоронить.

Когда стало ясно, что он всё-таки остаётся, Элла отвела его за дом и показала, куда выносить золу. У кирпичного сарая стояло старое корыто с проломленным дном. Оно служило забором. По правую сторону лежали два новых полена, по левую — ни одного. Элла сказала, что дрова у них покупают сообща с кузнецом, и если сегодня положить третье вместо одного, завтра придётся объяснять его жене, кто пересчитал иначе.

— Я думал, за печью и так тепло.

Элла подошла к стене и приложила ладонь к решётке в двух кирпичах над землёй. Сквозь неё шёл воздух с реки. Под решёткой остались самодельные железные петли.

— Когда ставили, давала тепло. Теперь придётся вставить заслонку. Попросил бы кузнеца выправить, да у него нога. Сам возьмёшься?

Рен осмотрел кромку. Если приладить заслонку, она прикроет решётку до самого кирпича. Потом вспомнил дымок, который уже дважды видел над печкой, когда Элла подкладывала поленья. Спросил, откуда возьмётся тяга, если отверстие плотно закрыть. Она откинула с решётки намокший кусок мешковины. Дым из трубы над головой сразу вывело по ветру.

— После обеда начнёшь с полки. Пока посиди. У тебя кровь сквозь рубаху прошла.

Край рубца под ребром разошёлся, когда он поднял корпус во дворе. Рен прижал рубаху к боку и виновато посмотрел на уже отмытую плитку. Элла принесла чистое полотенце и объяснила, где живёт человек, который накладывает швы. Плата вперёд, ближе к вечеру уже не принимает. Потом вернулась в лавку. Платить она за него не предложила. Он и сам знал, что нечем, пока не закончит работу.

Чтобы сесть, Рен обошёл тяжёлую раму, прислонённую к сараю. В ней были выбиты все стёкла, кроме одного нижнего. На внутренней стороне белели петли извести. Он наклонился ближе. В обычном свете одна петля на секунду показалась крючком из спальни. Закрыл левый глаз, потом правый. На крючок это было похоже в любом положении. Известь соскоблилась сухой крупой, и рисунок исчез. На пальце осталось белое пятно. От того, что рука успела податься раньше мысли, ему стало не по себе. В лаборатории при плохом свете он однажды полдня искал отражение от следов обуви, а нашёл грязь на защитном экране лампы. Тогда, по крайней мере, рядом был лаборант, который мог рассмеяться.

Из двери во двор высунулся долговязый мальчик с доской под мышкой. Ему нужно было отнести её Элле на замену ставни, выяснить цену и забрать гвозди. Он сунул доску Рену и уже шагнул обратно, но Рен окликнул его.

— Кому записку, когда ставня будет готова?

— Мне.

— А зовут как?

Мальчик прошёл мимо него и заглянул в лавку. Видно, решал, стоит ли отвечать человеку, которого ещё вчера здесь не было.

— Не пиши, что я принёс доску. Отец думает, я за ней ещё иду.

— А где взял?

— Это наша. Из второго окна. Я думал, вам так проще будет, они одинаковые.

Рен увидел, что доска целая. С торца на ней сохранился полукруг синей краски, который уходил на ту сторону, где оставили железное ухо для засова. Мальчик, вероятно, и правда счёл целую половину лучшим образцом для второй. Если мастерская разрежет её, двух половин не останется ни на одном окне.

— Гвозди бери, — крикнула из лавки Элла. — Ставню домой. Пусть отец скажет, чего ему не хватает.

Мальчик подхватил доску и чуть не сбил с полки банку. Рен успел поставить банку на землю. Внутри перекатились сотни коротких гвоздей. Горлышко было пережато бумажной наклейкой, где крупно стояло «длинные». Он показал наклейку Элле. Та принесла вторую банку. На ней такой же рукой было написано «короткие», и лежали там как раз нужные мальчику гвозди.

— Отец писал, — сказала она. — Он мерил от шляпки. Я от острия. После похорон ни разу не села перевесить бирки.

Она взяла у Рена банку, потом обе поставила возле двери. Короткую попросила обозначить числом. Рен принёс линейку с верстака. Две нижние отметки на ней стёрлись, поэтому он приложил остриё к третьему делению и сразу же поймал себя на том, что считает от нуля. Элла, стоявшая над ним, повернула линейку другой стороной. Там деления ещё читались. Ему хотелось сказать, что это он и сам знал, просто отвлёкся на настырную боль в боку.

— Одна шестая, — сказал он.

— Вот. Теперь десяток сюда, чтобы мальчик не лазил мокрыми пальцами в банку.

Тот получил гвозди в свёртке и доску, с которой пришёл. Рен записал покупку в книгу. Под строкой оставил место для ставни и сначала хотел вписать туда «образец возвращён». Потом перечеркнул всё поле. Мальчик ещё должен был добежать домой, а отцу предстояло узнать о пропаже своей доски. В чужом доме вдруг могло оказаться, что ничего заказывать не нужно. Рен дождался, пока растечётся последняя капля чернил, и убрал книгу на полку. Впервые со вчерашнего утра у него существовало место, куда полагалось класть вещь, которой он пользовался.

Первой в лавку после обеда пришла Тея, жена кузнеца. Она поставила на стол шерстяную сумку и сказала, что у мужа снова свело ногу от холода. За грелку уже уплачено. За два дня ходьбы по лестнице ей никто не доплатит.

Рен вынес приёмные карточки. Он приготовился объяснить разницу в пружинах и даже набросал чертёж. Тея на чертёж не взглянула. Она узнала свою крышку по царапине, поставила на корпус и дожала до щелчка пяткой ладони.

— Что в этот раз сделано?

Элла сказала, что распрямила пружину в крышке, а при закрытии перепутали корпуса. Сняла исправленную крышку, чтобы Тея видела оба края царапины. Тея спросила, было ли это вчера или сегодня. Когда Элла ответила «вчера», женщина долго молчала.

— Муж говорит, я принесла домой его вещь и сама её сломала. Напиши ему, отчего крышка вчера не встала. Он читает только крупное.

Элла вытащила новый лист, перечеркнула строку об оплате и написала крупно, что крышку ошибочно поставили в мастерской. Тея сложила бумагу в карман, взяла сумку и направилась к двери. На пороге вернулась.

— Дай проверить от печи. Дома уже некогда будет спорить.

Они прогрели грелку на камне, где Элла оставляла вещи из-за опасности пожара. Теперь там грелись руки Теи. Рен увидел, как быстро она их убрала, услышав шаги за дверью. В мастерской она могла проверить работу, дома ей ещё предстояло предъявить чужую подпись.

После её ухода Рен начал чертить для карточки два одинаковых прямоугольника. Элла спросила, что он задумал. Он хотел, чтобы хозяин забирал одну половину записи, а в мастерской оставалась вторая. Она посчитала, сколько бумаги уходит на недельный приём, поморщилась и разрезала лист пополам. Для дорогих вещей согласилась делать две записи. Для дешёвых — бирку с номером и отметку в книге.

После ухода Теи он успел составить два комплекта. Третий забраковала Элла. Под номером грелки он поставил сумму, которую Тея уже внесла. Со стороны казалось, что мастерская соберётся потребовать деньги снова.

— А если это завтра прочту я сама и не вспомню? — спросила Элла.

Он переписал карточку. Под номером поставил «уплачено» так крупно, как просила Тея для мужа.

Ближе к вечеру из булочной напротив принесли бумажный узел. Элла приняла его за мелкую работу и хотела попросить оставить до завтра. Потом почувствовала через бумагу тепло и развернула. Внутри лежала плоская булка, непривычно тяжёлая с одного края. На записке было сказано, что за булкой зайдут после второй выпечки. Пекарь не стал бы оставлять еду у мастера на хранение. Элла подняла хлеб за корку. Из надреза показался железный ключ.

Рен подал ей доску. Она положила булку, села и разрезала пополам. Внутри, кроме ключа, оказался тонкий лист с отметками по часам. На первый взгляд знакомое устройство: в такие листы у Эллы вписывали, что взяли в починку. Здесь вместо вещи значилось место, а вместо владельца — сумма за пользование. Элла нашла свою фамилию. Если разрешение хозяину

пролежит в булочной до вечера, он потребует доплаты за недельное пользование печью, которую мастерица считала в своём помещении.

— Это какой ключ? — спросил Рен.

— От дверцы на мосту. В прошлом году булочнику дали его на час.

Булочник открыл дверцу, чтобы его печь во время ремонта получила тягу через старый дымоход. После он платил отцу Эллы половину за совместное пользование, потому что трубу прокладывали через двор мастерской. Теперь старого хозяина в книге уже не было. Дверца осталась, дымоход остался, а кто должен отдавать булочнику деньги, Элла узнавала третий раз за год. Она взяла нож, отрезала чистый край бумаги и сунула остальное в печь. Потом передумала, вытащила обгоревшую середину щипцами, растёрла на камне угол и посмотрела, видно ли имя. Рен хотел спросить, кто принёс хлеб. Понял, что никто, кроме него, не видел посыльного, и назвал цвет куртки.

— Это младший, — сказала Элла. — Пойдём. Старший сидит на мешках, если его с утра не позвали за дверью.

Они нашли булочника не у печи. Он стоял у стены, где лежали две мокрые трубы. С улицы их вытащили недавно, по краям ещё темнела глина. Старший сын держал лом, а младший с курткой под мышкой считал дырки для крепежа. Увидев Эллу, отец послал младшего внутрь. Тот прошёл в дверь, но оставил куртку сбоку. Теперь Рен знал, что мальчик опять будет слушать, пока все уверены, что дети ушли.

Элла выложила ключ. Булочник не взял. Сказал, что ему велели передать бывшему владельцу, а если он лично пойдёт под мост, его счёт попадёт туда же, где уже лежит список должников за отопление. Его попросили подтвердить, что открывали общую дверцу каждую неделю. Он считал, что отошёл от старого дымохода ещё в начале осени. Рен спросил, сколько раз за этот срок ему нужен был запасной огонь. Булочник кивнул на мокрые трубы. Они были запасными. Обе из выведенной части. Рен подошёл ближе. На концах сохранились разные оттиски. Один старый, с тремя точками, второй по свежему металлу, с тонким штрихом поверх заводского имени.

— По первому счёту сняли короткую, — сказал сын у стены.

Булочник обернулся. Сын положил лом и поднял обеими руками трубу. По краям остались выбоины от старых креплений. Он перенёс её на два шага и приложил к отверстию, из которого торчал толстый кирпичный зуб. Труба вошла на полвершка. Отверстие продолжалось за соседней стеной. Элла поставила ключ на кирпич. Тот вошёл в маленькое гнездо возле решётки, но повернуть его было нельзя. Рен увидел на одной бородке светлый спил. С таким спилом ключ мог подойти к пустому замку и всё равно не взять задвижку.

— Приняли старый ключ, — сказала Элла. — Потом поставили новую дверцу. У кого счёт за дверцу?

Булочник подумал. Он видел мастера, пока тот стоял на лестнице. Но кто выписал счёт, вспомнить не мог, потому что бумаги сложили вместе с накладной за муку. Он завёл их в лавку. Младший слез с мешков и принёс поднос. Под подносом оказались три расписки. В первой числился ремонт, во второй отпуск за два дня. Третья шла от прежнего подрядчика, который оставил опись глиняных колец у дымохода.

Рен приложил её к обгоревшему бумажному листу. Дата совпала с датой старого ремонта, хотя за новый им выставляли сумму нынешней осенью. Элла не попросила отдать бумаги. Взяла уголь, написала на обороте подноса номер нужной строки и показала булочнику. Тот поднял поднос к лицу, искренне удивившись, что понадобился именно он.

Рен вышел во двор первым. Стащил с забора две щепы и подставил под мокрые трубы, чтобы те не лежали в луже. Булочник вышел следом, стал примерять щепы к отверстию. Наутро он собирался поставить туда печку, но без исправного отвода уже не решался. Рен спросил,

кому принадлежит мастерская над его крышей. Булочник махнул рукой: на вывеске одно имя, счета от другого, а за углом живут дети того, кто клал кирпичи.

Рен вернулся с Эллой к печи и нашёл старую заслонку возле золы. Теперь она могла понадобиться. Он поднял её, взвесил в руке и положил рядом с заказами. В книге по-прежнему значились только предметы, за ремонт которых кто-то был готов заплатить. Чужую безопасность туда не вносили.

В сумерках Рен дописал заказы на отдельные листы. Элла нашла четыре ошибки в местных ценах и ни одной перепутанной детали. Он уже привык думать, что бумага не обожжёт, если правильно поставить номер. Когда она запирала лавку, на пороге появился возчик с фонарём, облепленным речной грязью. У человека дрожали руки, хотя от реки до мастерской было всего несколько улиц.

— Сыну пальцы ошпарило. Хотелось бы знать, мне его выбросить или ждать, пока жену ошпарит тоже.

Элла положила фонарь на камень. Прежде чем открыть ему крышку, она спросила, когда мальчик обжёгся.

— Когда задул.

Рен потянулся за чистой биркой, но не сразу написал имя. Если мальчик обжёгся из-за неисправной вещи, ещё одна карточка ничего не изменит, пока кто-нибудь не разберётся, почему фонарь вообще продали. В первый раз в новом мире его работа могла защитить человека, а не объяснить задним числом, что с ним случилось.

Глава 4. Чем гасят огонь

Возчика звали Вит Стенн. Он принёс фонарь в холщовом мешке, чтобы жена не увидела, куда пропала вчерашняя покупка. Но о сыне заговорил сразу, словно боялся, что иначе так и не решится. Из кармана он вынул смятую записку лекаря. Пальцы мальчика заживут, если не нагноятся. За перевязку Вит задолжал два обеда и подводу до кладбища. Рен отодвинул собственный рисунок: прежде чем искать виновного, нужно было убедиться, что этот фонарь больше никого не обожжёт.

Вит признался, что попросил мальчика самому сходить к лодке: фонарь требовалось принести обратно к вечеру. Пока сын бежал через прибрежный пустырь, стало совсем темно. На берегу он вроде бы увидел у ручки красную метку и решил, что огонь следовало погасить, как велел отец.

— Красную метку видел он или вы? — спросил Рен.

— На лодке я его уже нашёл. Он мне сказал. На руках грязь, рукав мокрый, а свет до сих пор горит. Я завернул всё в мешок.

В отчётах о пожарах Алексей часто встречал объяснение, написанное после ремонта. Владельцы сперва выбрасывали плафон, отдирали обугленный провод, стирали со стены копоть. Потом приходилось собирать время случившегося по телефонным вызовам. Теперь телефона не было. Был человек, который знал, во сколько уходит последняя подвода, и мальчик, который боялся, что за следующий штраф отца лишат работы.

— Когда вас сын встретил, лодку уже подали?

Вит посмотрел на Эллу, словно вопрос был лишним. Она взяла со стола мел. На краю доски составила короткий список: спуск с груза, берег, лодка, дом лекаря. Писала, пока Вит рассказывал. Выяснилось, что в доме они зажгли второй свет, чтобы рассмотреть ожог, а повреждённый фонарь оставили в мешке на холодном крыльце. Утром Вит увидел у дна красную полосу и решил, что так и выглядит та самая метка.

— Вот её-то и посмотрим, — сказала Элла. — Только сначала руки.

Вит протянул ей ладони. На одной саднила узкая царапина. Он сам не заметил, как получил её, пока собирал всё в мешок. Элла выдала ему миску и кусок мыла, достала плотные нарукавники и дождалась, пока он закатает рукава. Рен записал порядок работы, едва успевая за ней: предмет остыл снаружи, положение колпачка сохранено, тряпка в мешке лежала свободно. Почти таким же порядком он когда-то записывал состояние повреждённой двери в квартире, где ему дали на осмотр двадцать минут. Прежний почерк, крупный и беглый, в этой руке не получался.

Элла выслушала, как мальчик гасил фонарь, и попросила Вита показать. Тот приложил пальцы к колпачку, коротко повернул.

— Вот. Как меня отец учил.

— Ваш отец гасил масляный. Этот сам отсечёт подачу, если сорвёт колпачок. И вообще слушается пальцев, а не дыхания.

— Горит же там что-то.

— Горит.

Она вынула из корпуса серый брусочек. Он успел остыть и, когда лёг на камень, оставил на нём влажное пятно. Только после этого разрешила Рену приблизиться.

Фонарь был старый. Нижняя гайка закисла, ручку недавно обмотали чистой бечёвкой. Рен разложил винты в порядке снятия и нарисовал поперечную пластинку, прежде чем Элла её подняла. Та провела над пластинкой бесцветной каменной полосой. Полоса порозовела у края.

— Был сброс, — сказала она. — Камень за то и берут с собой. Посмотреть, осталось ли где горячее.

— А форму он показывает?

— Показывает, где рука нужна в перчатке. Всё остальное за отдельные деньги.

Элла вытерла лупу внутренней стороной передника и показала ему трещину возле посадочного выступа. На ней осела красная рыжина. Рен сперва решил, что подошло железо от корпусной пружины. Элла приложила чистую полоску камня с другой стороны, и розовый цвет проявился даже сквозь налёт.

— Это бывало у старых фонарей? — спросил Рен.

— Сами по себе они стареют равномерно. Если на дне что-то краснеет, заряд давно ищет выход. Покупатель думает, что ему скидку дали за вмятую ручку, и спешит домой. Хозяин лавки рад, что никто не просит ставить его на прилавок горящим.

Он попросил Вита показать, как тот держал фонарь, когда вставлял в мешок. Пальцы легли ниже красной метки. При взятом изнутри свете она вообще была обращена к бедру. Легко было представить, как мальчик зажал корпус между локтем и курткой, чтобы не выпустить из пальцев горячую ручку. Место ожога тогда согласовывалось с тем, что случилось при поднятом колпачке. Но Вит этого не видел. Рен отделил на листе новую версию чертой.

— Что вы рисуете? — спросил Вит.

— Пока только то, что можно проверить.

Вит долго не соглашался назвать имя сына для карточки. Он накрыл ладонью пустое место и сказал, что фонарь покупал на свои деньги, а жена уже послала его за перевязью, так что обойдутся без мальчика. Рен спросил, где тот сейчас. Вит махнул рукой в сторону улицы. Элла подошла к стеклу. Под вывеской на бортике сидел ребёнок и придерживал запястье здоровой рукой, пока у его ног пересчитывали рыбью мелочь две девочки.

— Он сидит с улицы и думает, что мы про него забыли, — сказала она.

Вит вышел. Его долго не было. Рен слышал доносившийся через ставню разговор: сперва говорил Вит, с перерывами, потом задала вопрос одна из девочек. Наконец мальчик вошёл. Он обошёл отца, забрался на низкую табуретку и положил здоровую руку под колени. На больной была такая широкая перевязь, что пальцев не видать. При каждом движении из неё сыпались хлопья высохшей мази.

— У вас дома стеклянный фонарь раньше был? — спросила Элла.

— Мамкин. Он большой. Мне большой нельзя, там на середине новый ремень.

— А этот можно?

— Теперь тоже нельзя.

Рен стоял у верстака. Он видел, как мальчик посмотрел поверх него на ручку фонаря. Вит повёл плечами. Рен отодвинул фонарь в сторону и положил на камень чистый деревянный круг такого же размера. Если вспышка застала руку у колпачка, слова «я задул» объясняли лишь часть движения. Он хотел, чтобы мальчик показал, не догадываясь о том, что именно они ищут.

— Можно, этому я ничего не сделаю, — сказал ребёнок и поднял больную руку.

Рен вовремя подался вперёд, чтобы подхватить его за локоть. Мальчик отшатнулся. Деревянный круг съехал с камня, и только отец успел поймать его у пола. После этого ребёнок всё время смотрел на руку Рена, как на очередную вещь, которая сейчас причинит боль.

— Ничего показывать не надо, — сказала Элла. — Скажи, чего ты хотел, прежде чем фонарь загорелся.

— Домой. Вода была почти тут.

Он коснулся здоровой рукой края табуретки. Вит сказал, что в тот вечер вода дальше нижних мостков не поднялась. Потом посмотрел на сына и поправился: он сам видел это с окна, а нижние мостки с окна закрыло баржей. Мальчик просидел молча до тех пор, пока девочки на улице не опрокинули рыбью корзину. За ставней закричали. Тогда он сказал, что уносил огонь в мешке, потому что ждал, когда кто-нибудь поможет ему перелезть к лестнице. От волн

фонарь качался и звенел даже через ткань. Вит открыл рот, но Элла подняла от стола ладонь, и он лишь перехватил деревянную крышку.

Мальчик помнил, что поддерживал мешок снизу. Был ли шнурок уже затянут, он сказать не мог. Помнил рыбью чешую на ступеньке. Ещё помнил, что за лестницей был свет, поэтому мешок хотелось прижать к боку, чтобы он не болтался. Рен записал это. Мальчик спросил, зачем. Рен ответил, что взрослые потом опять станут спорить о том, где он стоял, и лучше оставить его слова такими, какими он произнёс их сам. Мальчик посмотрел на лист у него под локтем.

— Я не сказал, что боялся темноты.

— Тут такого нет.

Рен развернул лист. Ребёнок ещё не умел читать почерк, что стало ясно по тому, как он повёл взглядом от нижнего угла вверх, в обход строк. Тогда Рен прочёл вслух. На словах «поддерживал мешок» мальчик попросил дописать «снизу». Слово там уже стояло. Рен показал его по буквам. Только после этого Вит велел сыну выйти. Девочки у вывески нашли корзине новое дно и звали его смотреть, как оно держится.

На верстаке остался деревянный круг. Рен положил его рядом с запрокинутой крышкой и попробовал восстановить положение руки. Чтобы притянуть мешок к боку, ему пришлось повернуть локоть внутрь. Средние пальцы легли ровно там, где из-под колпачка на настоящем фонаре выгорело пятно. Положение выглядело подходящим. Он попробовал снова, держа мешок другой рукой, и получилось почти то же самое. Ребёнок мог стоять у лестницы и держаться за поручень. Мог нагнуться. Пятно на латунной крышке выдерживало слишком много объяснений.

— Мы можем обойтись его словами? — спросил Вит.

Элла ответила, что для осмотра хватит и фонаря. Рен снял с чистого листа верхнюю дощечку, которой прижал его от сквозняка. Он сказал, что пока оставит запись здесь, если Вит согласен. Вит поднял дощечку, ещё раз накрыл ею лист и попросил вынести на улицу деревянный круг. Мальчику было позволено взять его с собой. Рен вышел и передал ему круг. Мальчик положил его под рыбью корзину. Когда девочки подняли её обеими ручками, дно выдержало. В мастерской тем временем отец снова заговорил о том, как именно сын задул огонь.

— Мне дома он говорит «я задул». Вам бы я так же сказал. Вы из него теперь достанете ещё пять слов, а я ему вчера в доме сам показывал, как рот сложить.

Рен положил мел. Если он заставит мальчика выбрать между рукой и дыханием, того опять попросят угадать, какой ответ нужен взрослому. Он спросил у Вита, сможет ли тот привести сына позже, когда ему не надо будет держать фонарь или показывать пальцы. Вит сказал, что сначала спросит, хочет ли тот возвращаться на пристань. Рен прежде счёл бы, что отец уводит разговор. Теперь записал рядом с чертой: «Ребёнка ещё не спрашивали».

След поначалу напоминал перекошенный венчик. Рен повернул фонарь к свету и увидел у самого сброса короткое раздвоение. Знакомой была пропорция: одна линия тянулась почти до другого края пластины, вторая изгибалась и обрывалась. Как большой палец у ладони на оконном стекле.

— Есть целый фонарь такой же работы?

За покупкой Элла послала самого Вита. Он вернулся с соседом, старым речником, и с фонарём, который сосед ни за что не соглашался выпустить из рук. Пришлось сойтись на том, что хозяин сам снимет крышку.

У нового образца пластинка была цельная. У Витовой с краю имелась вторая дорожка. Под лупой нашлись рыхлая глина в старой борозде и две царапины поверх слоя копоти. Пластинку надрезали, когда фонарём уже пользовались. Край, который должен был выпускать

сброс наружу через керамику, после работы оказался закрыт металлическим язычком. Два контура оставили Рену одни и те же направления.

Старый речник затянул гайку и попросил вернуть его фонарь. Элла предложила заплатить за ещё десять минут осмотра, но он отказался. До утра ему предстояло обозначать корму на переправе, и оставлять там собственное имя с чужой вещью он не собирался.

Рен сравнил две крышки в последний раз. У исправного фонаря перед самым сбросом стояла узкая прокладка, на Витовом от неё осталась серая полоса. На обоих сохранился заводской оттиск у винта, а на том, что обжёг мальчика, сбоку обнаружилась похожая отметка. Под одним углом она выглядела как звёздочка. Элла перевернула пластинку и показала выпуклость металла с обратной стороны.

— Ставили уже после завода. Смотри, угол выкрошен.

Рен занёс обе отметки в рисунок. Речник перестал торопить его, узнав слово «оттиск». Сам снял с ручки бечёвку и дал посмотреть чистую бирку, пока ту не залепило речной солью.

— На складе ящик взвешивают целиком, — сказал он. — Фонарь сам по себе ничей. На причале по чеку узнают, какие вещи вышли из какого ящика. Пока писарь не выдрал книгу из переплёта.

Элла спросила, откуда он это знает. Оказалось, когда-то он работал весовщиком. До тех пор, пока переучёт не поручили людям, которые приходят из столицы на зиму и уезжают весной. Он ушёл с фонарём, а на камне рядом с Витовой пластинкой сохло тёмное кольцо от его мокрой рукавицы.

— Можно задеть ножом при чистке, — сказала Элла.

Рен положил перед ней пластинку. Язычок удерживала отдельная, недавно посаженная заклёпка.

Элла поднесла её к глазам. Потом развернула тетрадь.

— Дата покупки? У кого?

На обороте лекарской записки Вит начертил перекошенный прямоугольник.

— Лавка у старого весового прохода. Вывески ещё нет. Парень сказал, Палата распродаёт вещи после проверки.

Элла отдала ему на время свой запасной фонарь. Плату за ремонт записала на пустой строке и тут же перечеркнула.

— Этот пока чинить нельзя, — сказала она.

Вит положил ладони на верстак.

— А если мальчик скажет, что сам сломал? Он теперь на себя думает.

Рен вынул чистый лист. Они с Эллой записали, в каком состоянии получили фонарь, что сняли и в чьём присутствии. Рен прочёл запись Виту. Тот попросил вычеркнуть слово «предположительно» перед ожогом. Ожог он видел. Рен перенёс оговорку к причине.

Свой росчерк возчик поставил так тяжело, что перо пробило бумагу. Он сложил копию вдоль прорыва.

— Вот это я ему покажу.

Вит завернул свою бумагу отдельно от лампы. На улице к тому времени стало достаточно светло, чтобы заметить кровавую царапину на мальчишечьем рукаве. Жена Вита стояла у стены и заправляла под страничку счёта выпавшую иглу. В лавку она не пошла. Сын уже приладил крышку к корзине, и теперь обе девочки уговаривали его пойти посмотреть, сколько в корзину войдёт снега. Женщина выслушала, что рассказал Вит, и спросила, где он оставил фонарь. Вит указал на старое окно мастерской.

— Значит, туда завтра придёт человек с рынка. Он спрашивал про фонарь.

— Зачем ты ему сказала?

— Я спросила, как выключать. Он сказал, что просто. Попросил принести: проверит, правильно ли сидит крышка. Он за это плату не возьмёт.

Вит заговорил слишком громко. После двух фраз дети оглянулись, и он замолчал. Рен оставался на пороге. Женщина поправила рукав сына и отпустила его к девочкам. Затем открыла свёрток в руке мужа, прижала большим пальцем лист и прочла слова о фонаре. У Вита на счёте стояло, что взрыв задел руку; на лекарской карточке, которой она уже пользовалась, написали «ожог пальцев». За «взрыв» хозяина заставят отнести вещь стражникам, сказала она, а за ожог можно получить мазь в долг. Обе бумаги могли взять у неё одновременно, пока она опять будет объяснять, куда делись деньги.

— А мама говорит, я задул, — донеслось из-за корзины.

Она сложила лист. Мальчик больше ничего не сказал. Он придерживал крышку здоровой рукой, которую девочки замотали тряпочкой, чтобы дерево под снегом не царапало. Рен сходил за Эллой. Та успела надеть плащ и вынести к порогу деревянную коробку, в которую положили корпус фонаря. На крышке чёрным стояло «Вит Стенн», ниже оставили пустую половину бирки. Женщина потрогала коробку, убедилась, что под крышкой холодно, и спросила цену за хранение. Элла ответила, что до утра можно ничего не платить. В случае если человек с рынка придёт сам, фонарь ему не выдадут.

— Он сам знает, у кого покупали. А где мы теперь его храним, ему знать ни к чему, — сказала женщина.

Элла заглянула за дверь. Переулок уже пустел. Сосед отнёс под навес последние мешки с углём, и часть тёмного дерева у стены снова стала видна. Рен поднял коробку, чтобы перенести внутрь, а женщина удержала её ладонью. Она вдруг захотела узнать, сможет ли со стороны реки кто-то видеть, как мальчик в тот вечер гасил фонарь. От лодки до каменной лестницы было гораздо меньше, чем от их дома, где Вит слышал первый удар.

Они дошли до ближайших мостков. Вит остался у старого швартового столба. Женщина прошла к камню, где мальчик спускался на ялик, и долго просила мужа поднять над головой одну руку. Он поднял. Из-за низкой стенки у лестницы был виден только локоть. Если мальчик стоял с мешком раньше, как Вит сначала рассказывал, от столба не видна была даже его голова. Рен встал на край ступени.

Над рекой уже тянулись светлые разводы. С одного мостка их принимали за отражение от противоположного берега, со второго видели настоящую лодку. В таком свете выяснять, что именно увидел ребёнок на корпусе фонаря, ничего бы не дало. Зато обнаружился светлый крюк, который полагалось придержать рукой, чтобы спрыгнуть на ялик.

Мать мальчика коснулась крюка и отдёрнула пальцы: ночной мороз уже прихватывал кожу. Она показала, где прибита лестница. Внизу, под третьей опорой, нашёлся старый мешок, в котором муж иногда носил хлеб. На боку чернела прожжённая дыра. Вит объяснил, что племянник складывал туда испорченные удочки. Почему мешок оказался опять у причала, никто не знал. Рен попросил оставить всё на месте до возвращения племянника. Женщина отвязала платок и повязала его на столб. Вит впервые за день возразил тихо: он и сам запомнит.

— Ты запомнишь, — ответила она. — А когда придут спрашивать, где обжёгся наш сын, скажут, что ты придумал уже после.

Рен посмотрел на платок. В его прежней жизни такую отметку оградили бы лентой. Здесь у семьи нашлась только одна вещь, которую она могла оставить на морозе без расписки.

Глава 5. Три медяка за брак

На рассвете их поднял рыночный колокол. Элла раздула печь, вынесла к порогу коробку со снятыми источниками и сверила номера. Витов фонарь лежал отдельно. За ночь на бумаге под открытым корпусом выступил влажный отпечаток: вода просочилась из шва и обогнула красную полосу. Свежая переделка будто сама показала, где спрятана. На рынке такие фонари продавали по цене щипцов, а мальчик Вита уже заплатил за эту дешевизну рукой.

Рен поднёс к отпечатку рисунок. Шов был старый, с бурым налётом, но под ним держалась сухой чистая борозда. В неё попало бы меньше грязи, если бы фонарь действительно долго стоял у реки с изменённым сбросом. Значит, меняли недавно. Он записал это как наблюдение, рядом отметил: «Дата неизвестна». Элла прочла запись, придвинула к нему три медяка и велела купить что-нибудь ещё из той корзины, если увидит заводскую отметку с таким же краем.

— И смотри, что человек скажет про вещь. Если спросишь сразу, кто поставил печать, он спросит, сколько тебе заплатили.

Старый весовой проход выходил к рыбному ряду. Рен нашёл лавку по следам от снятой вывески. Перед ней стояла скамья с корзиной товаров. Фонари, щипцы для печей и грелки лежали по три медяка, хотя Элла брала за одни щипцы пять.

Продавец с первого взгляда решил, что Рен из Палаты. Выпрямился, снял шапку и посмотрел поверх его плеча, отыскивая второго.

Рен достал три медяка.

— Фонарь. С чеком.

— С чеком шесть.

— Тогда грелку, тоже с чеком.

— Дорогие у меня чеки, господин.

Девочка с рыбного ряда взобралась на скамью к прилавку и потянулась к длинным щипцам. Продавец снял со связки один зажим и нажал на рукоять. Губки сомкнулись с толчком. Он показал девочке на медный язычок и велел не прижимать к нему пальцы, пока щипцы не остынут. Она протянула монету и дождалась, пока он сам завернёт их в старую мешковину.

— С фонарём тоже объясняли? — спросил Рен.

— Если человек спросит. Могу по три раза одному и тому же говорить, к которому концу руки не тянуть. Пусть пишет, если забывает.

На внутренней стороне мешковины проступило тёмное клеймо. Рен узнал рисунок раковины с треснувшим краем. Он спросил, сколько стоили щипцы. Девочка показала ему три медяка на раскрытой ладони. Продавец сдул с прилавка рыбью чешую и сказал, что чек ей обойдётся в одну дополнительную монету. Ему было бы легче брать со всех по четыре. Он просил у тех, кто мог дать сдачу.

Рен назвал Вита. Продавец опустил руку, которой собирался взять деньги.

— Мальчик что, помер?

— Обжёгся. Вы хотите, чтобы он оказался последним?

— Хочу, чтобы у матери было на комнату к зиме. Мне дали товар под вычет из недоимки. Вещи уже прошли проверку. Я спросил.

Он отогнул половицу у скамьи и достал пачку выцветших талонов. Номера шли подряд. Где-то между третьим и четвёртым на бумаге менялся цвет печати. На самом верхнем под строкой «утиль» кто-то мелко приписал: «разрешено к отпуску». По одной короткой черте Рен ничего не мог сказать о руке, а подливать подозрение в незнакомый почерк не хотел.

— Кто дал?

— Склад на Сенной. Туда принимают то, что город забирает за долги. Им велели расчистить дальнюю полку.

За ними резко застучало. Два человека в зелёных фартуках складывали товар из корзины в ящик. Продавец шагнул к двери, но третий встал перед ним и предъявил длинную бумагу. Он говорил вежливо. Приказ магистрата, остаток на складе под пересчёт, выручку предъявить. В ящик пошли щипцы.

Рен успел сгрести в карман три медяка. Талоны продавец кинул на скамью. Зелёный фартук прижал их ладонью.

— Остальное тоже.

В этот момент из рыбного ряда выплеснули ведро. Вода хлынула под скамью. Тонкая нижняя бумажка отлипла от пачки, проскользнула мимо сапога проверяющего и пристала к рыбьему ящику. Рен поднял ящик, поставил на возвышение, будто освобождая дорогу. Снизу снял бумагу. На ней не было печати. Только номер, черта и графа с весом.

Ящик ухватился днищем за выступ в столе. Рыбачка взяла его у Рена, переложила набок и высыпала на мокрые доски несколько пескарей. Он наклонился помочь. Пока они подбирали рыбу, человек в зелёном фартуке прошёл вплотную. Остановился. На столе лежал свёрток, который продавец приготовил для Рена: грелка с целой крышкой. Рен проследил, как проверяющий переставил его на край и поддел пальцем перевязь. Узел развязался без усилия. Человек вытащил грелку и повернул так, чтобы поверочный знак оказался сверху.

— Вы с ней куда?

— К мастеру. Хочу узнать, старая ли внутренняя пружина.

— По весу проверяли. Можете вернуть, если не подходит. Кто вам сказал про пружину?

Рен показал на пустой паз возле крышки. Проверяющий встал так близко, что Рену пришлось отвернуться, чтобы не дышать прямо ему в лицо. Когда он в прошлой жизни давал объяснения на проходной, его там тоже расспрашивали о мелочах и ставили перед ним распечатку, где уже было указано время входа. Здесь распечатки не было. Зато этот человек держал вещь Рена и мог пойти с ней от прилавка до городского склада.

— Мне предложили её здесь две минуты назад. Человек у стола может сказать, сколько она стоит.

Проверяющий посмотрел на продавца. Тот стоял с бумагами, которые собирался отдать. Вмешиваться не стал. Проверяющий перевернул грелку ещё раз. На кромке царапина убегала под верхний слой лака. Там, где её пересекала свежая печать, лак стал белым. Рен смотрел, как большой палец проходит по самой царапине и не задерживается. Проверяющий уже знал, где у этой печати пустой угол. Он прикрыл угол пальцем, когда поднёс вещь к оконцу.

— С этими по городу ходят всю зиму. Возьмите масло, если станет поскрипывать. А вывескам без печати не платите.

Проверяющий положил грелку на чистую часть стола. Рыбачка сказала, чтобы уносили дальше: на этом месте режут рыбу. Рен отодвинул грелку к прилавку и отошёл. На ближайшей стойке был прибит список прилавков со сборами на неделю. Возле рыбного ряда значились четыре фамилии. Возле грелок, где за утро сменились два товара и три покупателя, стояла цифра. Рен пригляделся к соседним цифрам. У них всегда ещё было написано, кому разрешено торговать с лотка. У грелок оставили только номер партии. Когда товар исчезнет, напоминание о продавце на столбе не останется.

Рыбачка догнала его и сунула в руку пескаря, которого он подобрал последним.

— Забирайте. Вы за голову держали.

— У меня нечем почистить.

— Тогда согрейте и отдайте коту.

Она вернулась к корзине. Рен положил пескаря на край водостока. Из-под досок уже смотрело мокрое ухо. Бумага пристала к внутренней стороне манжеты и теперь сушилась от

руки. Он боялся даже посмотреть, не осталась ли на ней половина номера. Через ряд проверяющий окликнул бывшего покупателя. Тот поднял корзину, показал пустые руки и прошёл мимо. В следующей лавке девушка спорила о том, положено ли платить за крышку, которую потерял сам хозяин.

Все, кого он видел, могли принести к прилавку старую вещь, сказать, где её купили, и уйти ни с чем. Вит потратил бы на такой спор весь день, если бы Рен привёл его сюда с фонарём. Он решил сперва выяснить, куда ведёт номер. Держать обрывок долго за манжетой было трудно. Он подался к рыбным столам, собираясь выйти через вторую дверь.

Рен отступил к рыбным столам. Между ним и выходом встала женщина с сеткой. Она попросила поднять корзину, которая мешала закрыть проход ставней. Он поставил её на край, а когда выпрямился, увидел между стойками девочку со щипцами. Зелёный фартук остановил её и взял мешок. Девочка вцепилась в ручку.

— Я заплатила.

— Будет возврат после описи.

Ей предложили расписаться. Она попросила назвать фамилию того, кто отдаст деньги. Проверяющий посмотрел на свои часы, отдал ей мешок и велел убираться. Корзины с остальным товаром он поставил под навесом у своего старшего. Рен заметил, что старший считал длинные щипцы по одному, а не всю кучку сразу. При каждом он заглядывал под рукоять, будто искал отметку. Две вещи отправились в отдельный ящик. Одну проверяющий забрал с собой, не дожидаясь, пока кто-нибудь внесёт её в перечень.

Если позвать стражу, он успеет сказать, что видел. Стража поставит его перед тем же человеком, который сейчас сверял количество вещей с бумагой. Рен вышел из ряда, нашёл девочку возле повозки и спросил, где она живёт. Та взяла щипцы под мышку и ответила, что место жительства ни к чему не относится, если ей деньги всё равно не вернули. Он дал ей адрес Эллы — повторил дважды, чтобы она запомнила чайник над дверью. Щипцы та принесла бы только по собственной воле. Теперь он хотя бы знал, что часть товара осталась в городе вне склада.

Уйти с прохода ему удалось без товара. У выхода продавец нагнал его.

— Вас потом позовут, — сказал Рен. — Если не в Палату, то к лекарю. Вспомните, кто подписал выдачу.

Тот надел шапку. От дневной выручки в кармане у него звякнуло один раз.

— Вспомню, когда у нас с матерью дверь будет запираться изнутри.

Пока продавец уходил, под мокрым бортом телеги обнаружился ещё один след. В древесину забился обрывок бечевы, такой же серой, как новая обмотка на Витовом фонаре. Рен не стал трогать бечеву. От неё до Вита было слишком много дорог; без бумаги о выдаче такой кусок доказывал бы только, что в Ривене два человека покупают верёвку одного цвета. Он запомнил расположение телеги, вывеску рыбной лавки и время, пока её хозяин расправлял полог.

Вернулся он под мост далеко за полдень. Девочка ещё не приходила. На доске с работами появились три новых номера, и рядом рука Эллы поставила мелом цену. Он вышел к камню, показал, как намок клочок, и спросил, можно ли записать на обороте сведения прямо сейчас. Элла дала ему деревянный обрезок.

— Пиши на этом. Если потом бумагу покажешь вместе с записью, из старого и нового придётся выбирать, что было где.

Он написал, при ком поднял талон, чей ящик передвинул, где у рыбного ряда пролили воду. Добавил, что продавец талон ему не передавал. Положив рядом обе вещи — обрезок и мокрую бумагу, — он впервые увидел, насколько длинным может оказаться путь между простым «нашёл» и вопросом «откуда у вас это?».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.